Увещание к эллинам
мученик Иустин Философ

Об увещании к эллинам

С большим правом, нежели «речь к эллинам», приписывается св. Иустину философу довольно обширное (состоящее из 38 глав) сочинение апологетического содержания, известное ныне под именем «увещания (λόγος παραινέτιχος) к эллинам».

Писатель его, имея в виду победить упорство язычников в суеверии отцов своих и расположить их к принятию христианства, старается показать неудовлетворительность язычества в деле богопознания. В первой части сочинения (гл. 1– 13) он доказывает, что истинного познания о Боге нельзя найти у языческих учителей: поэты, и во главе их знаменитый Гомер, представляют богов со всеми постыдными слабостями и страстями людскими (гл. 2). Мнения философов о Боге также неосновательны и несогласны между собою; даже Платон и Аристотель – эти столпы эллинской мудрости – не только разногласят один с другим, но и сами себе противоречат (гл. 3– 7). «Всех философов – говорит он – можно похвалить только за одно, – за то, что они старались обличить друг друга в заблуждении и незнании истины». Таким учителям язычества автор противополагает ветхозаветных пророков – учителей христианских, которые гораздо древнее языческих и говорили не сами от себя, но по вдохновению св. Духа: они все не смотря на то, что являлись в различные времена, согласно, как бы одними устами и одним языком возвещали открытые им свыше истины о Боге и происхождении мира, о создании человека, бессмертии души, о будущем суде и о прочем, что необходимо знать (гл. 8). Далее автор доказывает древность пророческого учения и приводит многочисленные свидетельства языческих писателей о глубочайшей древности первого пророка и законодателя евреев – Моисея; его писания явились задолго ранее начала греческой литературы, и в позднейшее уже время вместе с книгами других пророков были переведены на греческий язык по желанию египетского царя Птоломея (9 – 13). Во второй части увещания (14 – 38) доказывается, что и те немногие религиозные истины, которые встречаются у языческих поэтов и философов, – о едином Боге, о суде и воскресении и т. п., заимствованы ими из ветхозаветных писаний, с которыми, как известно, они ознакомились во время путешествий своих по Востоку. Для этой цели автор представляет из творений Орфея, Гомера, Софокла, Пифагора и Платона места, сходные по мыслям и даже выражениям с писаниями пророков. Ссылаясь на изречения Сивиллины в пользу истинного учения,

он наконец обращается к язычникам с увещанием – заняться чтением пророческих писаний и у них научиться истинному боговедению: «Пора уже нам, эллины, убедившись на основании внешних исторических свидетельств, что Моисей и прочие пророки жили гораздо ранее всех ваших мнимых мудрецов, – оставить старое заблуждение предков ваших; пора нам обратиться к священным сказаниям пророков и научиться у них истинной религии: они не представляют словесного искусства, не употребляют приемов красноречия для убеждения, – это свойственно тем, которые хотят затемнить истину,-но в простых безыскусственных словах они возвещают то, что сошедший на них Святой Дух хотел открыть чрез них людям, желающим познать истинное благочестие. Итак, нисколько не стыдясь откажитесь от старого заблуждения людского, от пустого шума тщеславия, в котором вы полагаете все удовольствие ваше, и последуйте тому, что полезно вам. Вы нисколько не погрешите против ваших предков, если теперь захотите обратиться от их заблуждения к противоположному учению: может быть, они сами теперь в аду мучаются поздним раскаянием, и если б им можно было оттуда поведать вам о том, что постигло их после смерти, то узнали бы вы, от каких бедствий они желали бы избавить вас.

Таково содержание увещания к эллинам, помещаемого в рукописных кодексах и печатных изданиях с именем Св. Иустина мученика. В перечне творений сего последнего у Евсевия, Иеронима и Фотия, не находится сочинения под названием «увещания (λόγος παραινέτιχος)»; но они упоминают о сочинении его против язычников под заглавием «Обличение» (ελεγχος), под которым справедливо можно разуметь известное ныне «увещание к эллинам», так как господствующий в нем характер и направление его составляет обличение[1], раскрытие заблуждений и нелепостей языческого вероучения у поэтов и философов. Это соображение подтверждается тем, что Фотий в своей «библиотеке» (сод. 232) приводя одно место из Стефана Гобара (VI в.), говорит, что оно заимствовано у Иустина мученика, и делает на него замечание ссылаясь на Иустина и его собственными словами; приводимые у Гобара и Фотия места ныне находятся в «увещании к эллинам» (гл. 23). Название же «увещание» вместо «обличения» – это сочинение получило, вероятно, от начальных слов: «обращаясь с увещанием к вам, эллины, я прошу» и пр., говорит писатель в первой строке сочинения.

Против подлинности Увещания, как произведения св. Иустина указывают на различие в слоге, который в Увещании яснее и стройнее, нежели в апологиях его, на резкость отзывов в Увещании о греческой

философии, и на то, что в нем все лучшее у философов объясняется из внешнего знакомства их с откровением, а не из внутреннего действия в них Слова. Но эти и подобные различия значительно уменьшатся, если будут приняты в рассмотрение не одни только апологии Иустина, но и разговор с Трифоном, и притом они могут быть объяснены обличительным направлением увещания, зависевшим от личных побуждений автора и внешних поводов к сочинению.[2]

Увещание к эллинам

1. Обращаясь с увещанием к вам, эллины, я прошу Бога, чтобы Он даровал мне способность сказать, что нужно для вас, а вам решимость оставить прежнее упорство и освободившись от заблуждения предков принять то, что вам полезно, не думая, что погрешите против предков ваших, если признаете ныне полезным учение противоположное тому, которого прежде они ошибочно держались. Ибо внимательное исследование дела показывает в ином виде то, что нередко казалось прекрасным, раскрывая чрез тщательное испытание истину. Нам предстоит исследование об истинной религии, – о таком предмете, которого важнее, думаю, ничего не может быть для тех, которые желают жить безопасно, потому что после этой жизни будет суд, предвозвещаемый не только нашими предшественниками в богопочтении – пророками и законодателями, но и мужами, славящимися у вас мудростью – поэтами и философами, которые выставляют себя знающими божественное и истинное учение; поэтому я заблагорассудил прежде всего рассмотреть учителей нашей и вашей религии, кто и каковы они были и в какое жили время, чтобы таким образом те, которые прежде приняли от предков своих ложную религию, познали теперь истину и оставили то древнее заблуждение, а мы ясно доказали, что именно мы следуем религии предков в богопочтении.

2. Кого же вы, эллины, называете учителями вашей религии? Поэтов? Но этого вы не можете сказать тем, которые знакомы с их творениями. Этим людям известны нелепые мнения их о происхождении богов, которые можно видеть и у знаменитейшего и первого из поэтов ваших – Гомера. Ибо, во-первых, он говорит, что боги имеют происхождение из воды, в следующих словах:

. . . . *Бессмертных отец Океан и матерь Тефиса*[3]

Далее надо упомянуть и о том, что он говорит о первом между богами, которого часто называет отцом богов и людей: он сказал:

Зевс меж людьми браней решитель[4]

Он говорит, что Зевс не только был решителем брани для сражающихся, но и виновником клятвопреступничества Троян, происшедшего из-за его дочери. Кроме того, Гомер изображает Зевса и влюбленным, и огорченным и преследуемым злоумышлениями других богов. Он заставляет его так говорить о своем сыне:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,

Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть[5]

И далее о Гекторе:

Горе! Любезного мужа, гонимого около града
Видят мои очи, и болезнь проходит мне сердце[6]

Также из следующих стихов видно, что он говорит о злоумышлениях и других богов против Зевса:

В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера и царь Посидаон и с ними Афина Паллада[7]

И если бы страх того, кого зовут Бриареем.[8] не удержал блаженных богов, непременно они связали бы Зевса. Необходимо упомянуть и о том, что Гомер говорит о неумеренном любострастии Зевса. Ибо так говорит у него Зевс Гере:

Такая любовь никогда ни к богине ни к смертной
В грудь не вливалась мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акризия дщерью,
Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
Ни прекраснейшей смертной пленяся Алкменою в Фивах,
Даже Семелой, родившею радость людей – Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера![9]

Я почитаю не излишним здесь же привести, что можно узнать из Гомеровой поэмы и о других богах и о том, что терпели они от людей. Ибо он говорит, что Арей и Афродита были ранены Диомедом, и рассказывает, о страданиях и многих других богов. Для примера приведем здесь слова Дионы утешающей свою дочь:

Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей на Олимпе живущие боги
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя.
Так пострадал и Арей, как его Эфиалтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил трехконечною горькой стрелою:
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала.
Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, Громовержцева отрасль, Айдеса
Ранив у врать подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
Он в Эгиохов дом на Олимп высокий вознесся

Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу[10]

Если еще нужно напомнить вам и о междоусобной войне прочих богов, то пусть сам поэт ваш расскажет вам:

Так взволновалось все, как бессмертные к брани сошлися.
Против царя Посидаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый носящий крылатые стрелы;
Против Арея – с очами лазурными дева Паллада;
Против Геры пошла златолукая ловли богиня
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона,
Против Леты стоял благодетельный Гермес крылатый[11]

Такими и тому подобными чертами изображаете Гомер ваших богов и не только Гомер, но и Гесиод. Посему, если вы верите знаменитейшим поэтам вашим, которые передали также и генеалогию богов ваших, то необходимо вам или почитать богов такими, какими они изображают их, или же совсем не признавать их богами.[12]

3. Но если вы отвергнете свидетельство поэтов ваших, говоря, что они могли создать мифы и насказать о богах много баснословного и далекого от истины, то кого же еще вы почитаете учителями религии вашей и от кого, скажите, они научились ей? Не может же быть, чтобы они знали столь великие и божественные предметы, не научившись прежде у людей сведущих. Конечно, вы укажете на ваших мудрецов и философов: к ним как к твердой стене вы обыкновенно прибегаете, когда кто-нибудь выставить против вас мнения ваших поэтов о богах. Так как прилично начать с древнейших и первых, то я, начавши с них, изложу мнения каждого из них, которые еще смешнее богословия ваших поэтов. Фалес милетский,[13] который был основателем философии природы, признавал воду началом всех вещей; ибо по его словам, из воды все происходить и все разрешается в воду. После него Анаксимандр, тоже уроженец Милета, говорил, что начало всего – беспредельное, так как из него все рождается и в него все возвращается. Далее Анаксимен, также из Милета, утверждает, что воздух есть начало всего существующего, ибо из него происходить и в него все разрешается. Гераклит (и Гиппас) метапонтинец признает началом вещей огонь, так как из огня все происходит и огнем все кончается. Анаксагор клазоменский признает началом всего омиомерии;[14] Архелай афинянин, сын Аполлодора, – беспредельный воздух, его разреженное и сгущенное состояние. Все они, по преемству от Фалеса, занимались так называемой ими философией природы.

4. Затем отправляясь от другого начала, Пифагор самосский, сын

Мнесарха, признает началами всего числа, их отношения и сочетания, также составленные из тех и других элементы, сверх того единицу и неопределенную двоицу. Епикур афинянин, сын Неокла, началом всего существующего называет тела, созерцаемые разумом, чуждые пустоты, безначальные и неразрушимые, которые не могут ни разделяться, ни составляться из частей и ни изменяться; и потому то они созерцаются только разумом. Эмпедокл агригентский, сын Жетона, признает четыре стихии, – огонь, воздух, воду, землю и две основные силы – дружбу и вражду, из которых одна соединяет, а другая разделяет. Из этого вы видите запутанность мнений у людей, признаваемых у вас за мудрецов, которых вы почитаете учителями вашей религии. Одни из них признают началом всех вещей – воду, другие – воздух, иные – огонь, а иные еще что-либо из вышеупомянутых стихий. И все они при этом пользуются красноречием в подкрепление своих неосновательных мнений и стараются доказать, что собственное учение того или другого из них превосходные прочих. Таковы их понятия. Каким же образом, эллины, тем, которые желают получить спасение, можно быть уверенным, что они могут научиться истинной религии от тех людей, которые не могли даже друг друга убедить не спорить между собою и не противоречить в своих мнениях.

5. Но может быть те, которые не хотят оставить древнего и закоренелого заблуждения, скажут, что они приняли учение религии не от вышеупомянутых философов, но у знаменитейших и славящихся добродетелью – Платона и Аристотеля: они, как говорят, научили совершенной и истинной религии. Но я прежде спросил бы тех, которые так говорят, от кого приняли эти их учители свое учение, так как не может же быть, чтобы они могла столь высокое и божественное учение и сами узнать и правильно преподавать другим, не научившись ему от людей сведущих. Потом я считаю необходимым также исследовать и их мнения: тогда мы увидим, не разногласят ли и они в своих мнениях друг с другом. Если же найдем, что и они не согласны друг с другом, то думаю, не трудно будет из этого заключить, что и они равно не знали истины[15]. Платон, который как бы сошел с неба и хорошо видел все, там находящееся, говорит, что Всевышний Бог заключается в огненной стихии.[16] Аристотель же, излагая в своем сочинении Александру Македонскому сущность своей философии, открыто опровергает мнение Платона, говоря, что Бог обитает не в огненной стихии, но, выдумывая какое-то пятое эфирное и неизменяемое тело, говорит, что в нем заключается Бог. Он пишет так: «я думаю не так, как другие, которые, заблуждаясь в своих мнениях о божестве, говорят, что Бог заключается в огненной субстанции.[17] И далее,

как бы не довольствуясь этим порицанием Платона, приводить в доказательство своих слов об эфирном теле Гомера, которого Платон исключил из своей республики и назвал лжецом и третьим подражателем истины.[18] Аристотель пишет: «и Гомер также сказал:

Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо[19]

Посредством Гомерова свидетельства он хотел сделать более достоверным свое мнение, не видя, что если приводить в доказательство истины своих слов свидетельство Гомера, то на том же самом основании многие мнения Аристотеля окажутся несправедливыми. Ибо Фалес милетский, основатель философии, словами того же Гомера опровергнет учение его о началах. Аристотель утверждал, что начало всего Бог и вещество, а древнейшей из философов Фалес называет началом существующего воду, потому что, говорит он, все происходить из воды и все разрешается в воду. А в этом мнении своем он основывается, во-первых, на том, что семя всех животных, служащее им началом, влажно; во-вторых, на том, что все растения влагою питаются и приносят плод, при недостатке же ее засыхают. Потом, как бы не довольствуясь этими заключениями, ссылается на Гомера, на свидетеля достойного веры, который так говорит:

… древней реки Океана, от коего все родилось[20]

Не имеет ли права Фалес сказать Аристотелю: «почему же ты, Аристотель, желая опровергнуть мнения Платона, обращаешься к Гомеру, как говорящему истину, когда же утверждаешь мнение, противоположное моему, не признаешь его слов справедливыми?»

6. Что знаменитые философы ваши не согласны между собою и в других предметах, это легко видеть из следующего. Ибо Платон признает три начала всего: Бога, вещество и идею, – Бога, как творца всего; вещество, как основу для первоначального происхождения вещей и повод к Его художнической деятельности; идею же, как образец каждой из сотворенных вещей. Аристотель, напротив не признает идеи началом, говоря, что два только начала, – Бог и материя.[21] Кроме того, Платон говорить, что в первой неподвижной сфере самого высшего неба находятся первый Бог и идеи, Аристотель же после первого Бога поставляет не идеи, но какие-то мысленные божества. Так разногласят они между собою в учении о небесном: легко понять, что те, которые не могли познать и того, что у нас на земле и об этом несогласные между собою, не могут быть достоверными сказателями о небесном. Равным образом они не согласны между собою и в учении о душе человеческой, как это видно из собственных слов каждого из них. Платон говорить, что она состоит из

трех частей – разумной, раздражительной и пожелательней. Аристотель понимает душу не так обширно, чтобы в ней заключались и части, подлежащие разрушению, но признает в ней только разумную часть. Платон прямо сказал: «душа вся бессмертна»;[22] Аристотель же, называя ее энтелехией,[23] утверждает, что она не бессмертна, но смертна. Первый признает ее движущеюся, а второй неподвижною, хотя и управляющею всяким движением.

7. В этом обличается их взаимное несогласие. Но если кто захочет внимательнее рассмотреть творения каждого из них, то найдет, что они непостоянны и в своих собственных мнениях. Платон, например, то принимает три начала: Бога, вещество и идею, то четыре, прибавляя к ним еще всеобщую душу. И еще: сказавши сначала, что вещество не сотворено, потом называет его сотворенным; сперва приписал форме самостоятельное начало и самобытное существование, а потом говорит, что она существует в понятиях ума. И еще признавши сперва, что все сотворенное тленно, потом утверждает, что некоторые из сотворенных существ могут быть не разрушимы и нетленны. От чего же так почитаемые у вас мудрецами расходятся не только друг с другом, но часто и сами с собою? Очевидно от того, что не захотели учиться у людей сведущих, вообразив себе, что посредством человеческого ума своего могут достигнуть ясного познания о небесном, тогда как сами не могли узнать и земного. Так одни из ваших философов утверждают, что душа человеческая находится в нас, а иные, что около нас. И в этом даже они не захотели согласиться, но как бы разделивши между собою в разной мере неведение, спорят и разногласят друг с другом и о душе. Ибо одни из них почитают душу огнем, другие воздухом иные умом, другие движением, иные дыханием; еще некоторые – силою, истекающею из звезд, иные же числом, одаренным силою движения, наконец другие – водою, имеющею родотворную силу.[24] Таким образом у них господствуете путаница и разногласие в мнениях: и только за одно по справедливости можно похвалить их, – за то, что они старались обличать один другого в заблуждении и незнании истины.

8. Итак, если от ваших учителей не возможно узнать ничего истинного о богопочтении, ибо они взаимными несогласиями достаточно доказали вам свое незнание, то следует – я думаю – обратиться к предкам нашим, которые и по времени гораздо древнее ваших учителей и ничему не учили нас по своему собственному вымыслу, притом не разногласили между собою, и не старались опровергать мнения друг друга, но без всяких споров и разногласий приняли от Бога ведение и передали его нам. Ибо

невозможно людям знать столь высокой и божественной истины ни по естеству, ни чрез деятельность человеческого ума, но только посредством дара, который свыше сходил тогда на святых мужей. Им не нужно было ни словесное искусство, ни уменье спорить и состязаться, но нужно было им только представить себя чистыми для действия Божественного Духа, чтобы Он, как бы спустившийся с неба смычок, пользуясь праведными мужами как цитрою или лирою, открывал нам посредством них ведение о небесном и божественном. Поэтому-то они с такою верностью самим себе, с таким согласием друг с другом, как бы одними устами и одним языком учат нас о Боге, о сотворении мира, о создании человека и о бессмертии души человеческой, о будущем после сей жизни суде и обо всем, что необходимо нам знать, и учение их неизменно и взаимно согласно; и притом это божественное учение они передавали нам, живя в различных местах и в различные времена.

9. Теперь я начну с первого нашего пророка и законодателя Моисея, и изложу прежде всего о том, в какое время он жил, на основании самых достоверных у вас свидетельств. Я постараюсь подтвердить мои слова не из наших только священных сказаний, которым вы не хотите верить, ослепленные закоренелым предрассудком ваших предков, но из ваших историй, которые не имеют никакого отношения к нашей религии. Вы увидите, что первый учитель нашей религии Моисей был гораздо древнее всех ваших мудрецов, поэтов, историков, философов и законодателей, как это показывают нам сказания эллинов. Еще во времена Огига и Инаха, которых некоторые из ваших почитают сынами земли, упоминается о Моисее, как о вожде и начальнике народа иудейского. Так Полемон в первой книге своей греческой истории и Аппион, сын Посидония, в сочинении против иудеев и в четвертой книге своей истории упоминают, что в царствование Инаха, царя аргосского, иудеи отложились от Амазиса, царя египетского, и вождем их был Моисей. Также Птолемей Мендисий, рассказывая историю египтян, во всем этом сходится с ними. И афинские историки: Элланик, автор «Аттик» Филохор, Кастор и Фаллос, Александр Полигистор, равно как и ученейшие историки иудейские Филон и Иосиф, говорят о Моисее, как о древнейшем вожде иудеев. Так Иосиф, желая в самом написании своих книг показать древность истории, так озаглавил историю: «Флавия Иосифа иудейская археология», обозначая словом: «археология» древность истории. Наконец нужно присовокупить знаменитого из ваших историков Диодора, который сделал извлечение из библиотек и в целые тридцать лет, как он сам пишет,[25] ради великой любознательности прошел Азию и Европу, и весьма многое видел своими

глазами и написал сорок книг своей истории.[26] Он в первой своей книге, сказавши, что узнал от египетских жрецов о Моисее, как о первом и древнейшем законодателе, так написал о нем: «после древнего порядка жизни в Египте, который в мифологии представляется периодом богов и героев, рассказывают, что первый научил народы употреблению писанных законов Моисей, муж славный и величием духа, и пользою, принесенною им роду человеческому».[27] Потом, немного после, упоминая о древних законодателях, во главе их ставить Моисея. Вот его слова: «говорят, что у Иудеев Моисей законы свои приписал Богу, называемому Иао,[28] потому ли, что почитали дивною и божественною мысль, которая имела принести пользу множеству людей, или же потому, что думали, что народ, обращая внимание на совершенства и могущество учредителей законов, будет больше повиноваться им. Вторым законодателем египетским называют Саухниса, славного своею мудростью. Третьим египетским законодателем почитают Сезонхозиса царя, который не только прославился между Египтянами воинскими подвигами, но и тем, что обуздал законами воинственный народ. Четвертым законодателем был царь Вохорис, мудрый и вместе с тем хитрый. После него занимался законодательством царь Амазис, который говорят привел в порядок все, что касается начальников провинций и управления всего Египта. Наконец шестым законодателем Египтян называют Дария, отца Ксерксова».

10. Так, эллины, о древности Моисея свидетельствуют писатели, чуждые нашей религии, говоря, что все это узнали они от египетских жрецов, между которыми Моисей не только родился, но и удостоен был научиться всей премудрости египетской, так как он был взят царскою дочерью вместо сына и поэтому о нем имели великое попечение; это повествуют ученейшие историки, которые описывали его жизнь и даяния и великую судьбу народа иудейского – Филон и Иосиф. Они, рассказывая историю иудеев, говорят, что Моисей происходил из племени халдеев; когда же его предки, по причине голода, переселились из Финикии в Египет, то там родился человек, которого Бог захотел почтить за высокую его добродетель и поставил начальником, вождем и законодателем своего народа, когда Он благоволил вывести еврейский народ из Египта в его собственную землю. Ему первому Бог сообщил тот божественный и пророческий дар, который свыше сходил на святых людей; его первого Бог поставил учителем нашей религии, а после него и других пророков, которые получили тот же дар и тому же учили нас, чему и он. Вот каких людей мы называем учителями нашей религии, – которые учили нас не по собственному человеческому домышлению, но по дару, свыше

полученному ими от Бога.

11. Но так как вы, следуя закоренелому заблуждению ваших предков, не хотите верить этим учителям, то кого же наконец почитаете вы учителями вашей религии, которые были бы достойны веры? Ибо как я уже не раз сказал, не может быть, чтобы они, не научившись прежде у людей сведущих, могли и сами знать и другим правильно преподать столь высокие и божественные истины. Из сказанного достаточно обличается все неведение и вся ложь, которыми исполнены учения ваших философов; и потому вы, оставивши философов точно так же, как прежде и поэтов, может быть обратитесь к прорицаниям оракулов; такое признание я слышал от некоторых. Поэтому почитаю нужным сказать вам теперь то, что прежде о них слышал от вас. Ибо как вы сами говорите, когда некто спрашивал вашего оракула, какие люди были когда-либо благочестивые, то оракул дал такой ответ:

Одни лишь Халдеи постигли премудрость, а также Евреи,
Что Бога даря самобытного чтили.

А так как вы полагаете, что от оракулов можно узнать истину; то, читая повествования о жизни Моисея, писанные людьми, совершенно чуждыми нашей религии, и зная, что Моисей и прочие пророки происходили из халдейского и еврейского племени, не почитайте странным, если Бог восхотел почтить таким даром человека происшедшего из благочестивого рода и жившего сообразно с благочестием своих предков и если Он благоволил явить его первым из всех пророков.

12. При всем том я признаю необходимым принять в расчет и время, когда жили ваши философы, для того, чтобы вы знали, что промежуток времени, отделяющий их от вас, очень короток. Притом отсюда же вы легко можете видеть древность Моисея. Но чтобы, пустившись в хронологию, не уклониться далеко чрез обилие доказательств, то удовольствуюсь следующим. Сократ был учителем Платона, Платон учителем Аристотеля. Периодом их славы были времена Филиппа и Александра Македонского, времена процветания также и афинских ораторов, что ясно доказываюсь нам речи Демосфена, написанные против Филиппа. А что Аристотель был современник царствованию Александра, это доказывают повествователи о деяниях Александра. Из всего этого уже легко видеть, что история Моисея гораздо древнее всех светских историй. Кроме того, вам должно быть не безызвестно и то, что у эллинов до Олимпиад нет никакой достоверной истории,[29] и нет ни одного памятника, свидетельствующего о деяниях эллинов или варваров. До этого времени существовала одна история пророка Моисея, которую он написал,

по внушению Божию, на еврейском языке. А эллинской письменности тогда еще не было, как показывают сами учители литературы, которые говорят, что Кадм первый принес письмена из Финикии и научил им эллинов. И первый из ваших философов. Платон свидетельствует о том, что уже в позднее время изобретены эллинские письмена. Он пишет в Тимее, что мудрейшей из мудрых Солон, возвратившись из Египта, рассказывал Критию слышанное им от одного не очень старого египетского жреца. Жрец этот так говорил: «о Солон, Солон, вы эллины, все еще дети, нет между эллинами старца». И далее еще: «вы все еще юноши душами, нет у вас никаких древних учреждений, ни древних преданий. До того вы погрязли в невежестве, что те, которые жили за много поколений прежде, умерли безгласно по отсутствию письменности». Должно же знать, что все исторические сочинения написаны эллинскими буквами, которые изобретены уже в довольно позднее время. И потому, если кто захочет обратиться к кому-либо из древних поэтов, или законодателей, или историков, или философов, или ораторов, то найдет, что все они писали свои творения на эллинском языке.

13. Если же кто скажет, что книги Моисея и других пророков написаны также на эллинском языке, то пусть узнает из светских историй, что Птоломей, царь египетский, всюду собирая книги для наполнения построенной им в Александрии библиотеки, как скоро узнал, что еще сохранились древние исторические сказания, написанные на еврейском языке, то желая узнать их содержание призвал из Иерусалима 70 ученых мужей, знающих еврейский и эллинский языки и приказал им перевести книги. Для того же, чтобы, без всякой помехи, они могли скорее сделать перевод, он приказал построить, не в самом городе, но в семи от него стадиях, где воздвигнуть маяк, столько маленьких домов, сколько было переводчиков, чтобы каждый из них отдельно занимался переводом. При этом он приказал приставленным служителям доставлять им все нужное и прислуживать им, но не допускать их до взаимного сношения для того, чтобы после о точности перевода можно было судить по их согласию. Когда он узнал, что 70 мужей в своем переводе не только удержали те же мысли, но употребили одни и те же слова, ни в одном выражении не разошлись между собою, но написали одно и тоже; то удивившись, и веруя, что перевод этот написан с помощью божественной силы, признал их достойными всякой почести, как людей богоугодных, и приказал с великими наградами отпустить их в отечество, а книги почитая божественными, как следовало, положить в библиотеке[30]. Это мы

рассказываем вам, эллины, не басни и не вымышленную историю. Мы сами были в Александрии видели доселе уцелевшие остатки домиков в Фаросе, и что слышали от туземцев, знающих это по преданию от отцов, то теперь рассказываем вам, тоже вы можете узнать и от других, особенно от ученых и уважаемых историков, излагавших об этом предмет, – Филона и Иосифа и многих других. Если же кто из охотников противоречит скажет, что книги эти принадлежать не нам, а иудеям, у которых поэтому доселе они хранятся в синагогах, и что напрасно мы думаем находить в них учение нашей религии; тот пусть узнает из того, что написано в этих самых книгах, что учение это принадлежит не им, а нам. То, что книги эти, относящиеся к нашей религии, доселе еще хранятся у Иудеев, это есть дело божественного примышления о нас. Ибо, если бы мы представляли книги, находящиеся в нашей церкви, то подали бы повод подозревать в обмане людям, которые ищут случая оклеветать нас; но мы предлагаем достать книги из иудейских синагог, чтобы из самых этих книг, доселе хранящихся у них, можно было ясно видеть, что нам принадлежат правила учения, написанные святыми мужами.

14. Итак, должно вам, эллины, предусматривая будущее и взирая на суд, возвещаемый не только нашими святыми мужами, но и чуждыми нам, не держаться слепо заблуждения ваших предков и не считать за истину того, что они, по обольщению своему, предали вам; но понимая, как опасно погрешить в столь важном деле, вы должны тщательно исследовать и испытывать то, что сказано вашими, как вы называете их, учителями. Ибо и они, по действию божественного примышления о людях, были принуждены невольно сказать многое в нашу пользу, особенно те, которые были в Египте и воспользовались религиозным учением Моисея и его предков. Думаю, не безызвестно некоторым из вас, если читали вы сочинения Диодора и других историков, что Орфей, Гомер и Солон, написавший законы афинянам, также Пифагор и Платон и другие некоторые, бывши в Египте и воспользовавшись писаниями Моисея, после того высказывали мысли противоположным прежними их ложным мнениям о богах.

15. Я считаю нужным напомнить вам, что наконец возвещал о едином Боге Орфей своему сыну Музею и прочим приближенным слушателям. Орфей, который первый был учителем вашего многобожия, как сказал бы кто-нибудь. Вот его слова:

Я буду говорить тем, кому прилично, а вы, профаны, затворите двери. Послушай же, Музей, сын светоносной луны! Скажу истину, чтобы прежние внушения мои не лишили тебя блаженной жизни. Взирай

на божественное Слово, к нему стремись, направляя свое сердце и ум; иди путем правым и знай одного Царя мира. Он един самобытный; единым все сотворено; во всем Он живет, и никто из смертных не видит Его, а сам Он всех видит. Он после добра посылает смертным зло – и войну, приводящую в ужас, и скорби, причиняющие слезы. Нет другого кроме великого Царя. Но Его не вижу я: ибо облако скрывает Его от взора смертных. У всех них очи слабы, чтобы видеть правителя всего Зевса. Он утвердился на вершине железного неба, на золотом престоле и попирает землю ногами; десницу Свою Он простирает до пределов океана; вокруг его трясутся огромные горы, реки и глубина ясного лазуревого моря.[31]

И еще в другом месте он так говорит:

Один Зевс, один Аид, один Гелиос, один Дионис, один Бог во всех. Что сказать тебе больше этого?

И в своих Заклинаниях он так говорит:

Заклинаю тебя небом, премудрым делом великого Бога; заклинаю тебя первым Словом Отца, которое произнес Он, когда утвердил вселенную своими законами.[32]

Что значат слова:

Заклинаю тебя первым словом Отца, которое произнес Он.

Под словом здесь разумеется Слово Божие, чрез которое получили бытие небо и земля и всякая тварь, как научают божественные пророчества святых мужей: с ними то отчасти познакомился Орфей во время путешествия в Египет и познал, что все сотворено Словом Божиим. Поэтому после слов:

Заклинаю тебя первым Словом Отца, которое произнес Он

тотчас прибавляет:

Когда Он утвердил вселенную своими законами

Здесь Орфей употребил собственно выражение: голос (άδγή) вместо слова (λογος) ради меры стиха. Что это так, видно из того, что немного прежде, когда позволила ему стихотворная мера, называет Его Словом.

Взирай на божественное Слово и к нему стремись.

16. Еще приведу вам изречения весьма древней Сивиллы, в которых она учит вас о едином Боге: об этой Сивилле Платон, Аристофан и другие многие упоминают, как о вдохновенной пророчиц. Она так говорит:

Един есть Бог превеликий, Безначальный, всемогущий, невидимый, всевидящий, сам же незримый ни для какой смертной плоти.[33]

Потом в другом месте:

Мы заблудились от путей Бессмертного, мы неразумным сердцем чтим рукотворные изделия, идолы богов и преходящих людей.[34]

И еще в другом месте:

Блаженны будут на земле те люди, которые будут чтить великого Бога, благословляя Его прежде вкушения пищи и пития и благочестиво уповая на него: они отвергнут храмы и алтари – суетные возвышения бесчувственных камней, которые осквернены кровью животных и жертвами четвероногих, но будут взирать на великую красоту единого Бога.[35]

Вот что говорила Сивилла.

17. Поэт Гомер, злоупотребляя свободою поэзии и следуя мнению Орфея о множестве богов, выраженному им сначала,[36] упоминает правда о многих богах, для того, чтобы не отступать от Орфеевой поэзии; он взял ее себе за образец и свое расположение к нему показал в самом первом стихе поэмы: Орфей в начале своей поэмы сказал:

Гнев, богиня, воспой плодородной Деметры.[37]

А Гомер написал:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына

решившись, как мне кажется, даже на нарушение законной меры стиха в начале поэмы,[38] только чтобы не показалось, что он тотчас пренебрег имя богов. А немного после он ясно и открыто излагает свою мысль о едином Боге, говоря, – то устами Феникса к Ахиллесу:

Хотя бы сам Бог обещал всемогущий,

Старость совлекши вновь возвратить мне цветущую младость[39]

где чрез местоимение «самъ» обозначает Того, кто поистине есть Бог: то влагая Одиссею такие слова к эллинскому народу:

Нет в многовластии блага; да будет единый властитель.[40]

А он хотел показать на деле, что многовластие не добро, а напротив зло, и для того рассказал войны многих начальников, битвы, возмущения и взаимные злоумышления их, между тем как единовластительство непреоборимо. Вот что находим у поэта Гомера.

18. Если же нужно присовокупить в подтверждение единства Божия свидетельства и поэтов драматических, то послушайте Софокла, который так говорит:

Един поистине, един есть Бог, который создал небо и великую землю, лазуревые волны моря и порывистые ветры. Но многие смертные, заблуждаясь сердцем, в свое утешение среди несчастий сделали идолов богов из камня или дерева, из слоновой кости или золота. Таким-то богам мы приносим жертвы, посвящаем торжественные собрания, и в этом поставляем свое благочестие.[41]

Так говорит Софокл.

19. И Пифагор, сын Мнесарха, изложивший учение своей философии прикровенно посредством символов, как говорят его жизнеописатели, имел, кажется, мысли о едином Боге, свидетельствующие об его путешествии в Египет. Ибо почивая единицу началом всего и источником всякого блага, он иносказательно учит, что един Бог. Это именно видно из того, что по его словам единица и одно весьма различаются между собою: единица имеет место в том, что постигается умом, а одно – в числах. Если же хотите иметь яснейшее доказательство Пифагорова учения о едином Боге, то выслушайте его собственное мнение. «Един Бог, говорит он, – не вне мира, как некоторые думают, но целый в самом себе. Он всецело обнимает своим взором все твари, содержитель всех веков, зиждитель своих сил и дел, начало всего, светильник неба и всеобщий отец, ум и душа вселенной, движущая сила всех сфер».[42] Таковы слова Пифагора.

20. Платон, вероятно, разделял учение Моисея и других пророков о едином Боге, с которым познакомился бывши в Египте, но наученный несчастною судьбой Сократа боялся вооружить против себя какого-нибудь Анита или Мелита, которые обвинили бы его пред Афинянами и сказали: «Платон ведет себя нечестиво и беспокойно, не почитая богов, которых чтут граждане».[43] Из страха цикуты он употреблял о богах неодинаковый и прикровенный образ речи и искусно представлял, что есть боги – для тех, которые допускали это, и что нет их – для тех, которые думали иначе: это легко видеть – из его собственных слов. Сказавши прежде, что все сотворенное подвержено смерти, он потом говорит, что боги сотворены. Если же он признает началами всего – Бога и вещество, то очевидно по необходимости следует заключить, что боги произошли из вещества. Если они произошли из вещества, из которого, по словам Платона, произошло и зло, то людям здравомыслящим предоставляется судить, какое мнение должно иметь о богах, происшедших из вещества? Потому-то и материю он признал несотворенною, чтобы не подумали, что он почитает Бога творцом зла. Вот что говорит он о богах, созданных Богом: «боги богов, которых Я создатель».[44] О Боге же истинном он имеет правильное мнение. Ибо он узнал в Египте, что Бог, посылая Моисея к евреям, сказал ему: «Я есмь Сый»,[45] из чего Платон понял, что Бог сказал пророку не собственное имя Свое.

21. Действительно, Бога нельзя назвать никаким собственным именем. Ибо имена существуют для обозначения и различения предметов при их множестве и разнообразии, но никого прежде не было, кто дал бы Богу имя, и Он не имел нужды давать самому Себе имя, будучи только один,[46] как Он сам свидетельствует чрез пророков Своих, говоря: «Я Бог

первый и последний и кроме Меня нет другого Бога».[47] Поэтому, как я выше сказал, Бог, посылая Моисея к евреям, не упоминает ни о каком имени Своем, но таинственно обозначаете. Себя посредством причастия (Сый) и тем дает знать, что Он есть един. «Я – Сый» говорит Он, противопоставляя Себя, как сущий, тем, которые не существуют, дабы прежде заблуждавшиеся познали, что они были привязаны не к сущим, а к тем, которые не существуют. Ибо Он знал, что между людьми еще не исчезло то древнее заблуждение прародителей, в которое захотел вовлечь их человеконенавистник демон, говоря: «если вы послушаетесь меня преступить заповедь Божию, будете как боги»[48], называя богами несуществующих, чтобы люди думая, что есть, и другие боги, поверили, что и им можно сделаться богами; поэтому-то Бог сказал: «Я есмь Сый», чтобы посредством причастия «Сый» показать различие сущего Бога от несуществующих. Когда же люди поверивши обольщению демона, осмелились прислушаться Бога и вышли из рая, то они запомнили, что им было говорено о богах, а Бог еще не открыл им, что нет других богов, (кроме Его); ибо несправедливо было несоблюдших первой заповеди, которую сохранить было так легко, еще учить, но следовало подвергнуть их праведному наказанию. Итак изгнанные из рая, они, думая, что изгнаны только за непослушание Богу, а не за то также, что поверили, будто есть боги, которые не существуют, – передали эту мысль о богах и своим потомкам. Таково происхождение ложной мысли о богах, которая получила начало от отца лжи. Бог, видя, что ложная мысль о многобожии, подобно какой-нибудь болезни, обременила душу людей, восхотел уничтожить ее; поэтому Он, явившись сперва Моисею, сказал Ему: «Я есмь Сый». Ибо, я думаю, надлежало, чтобы будущий начальник и вождь еврейского народа первый из всех познал сущего Бога. Посему явившись ему первому, сколько возможно Богу явиться человеку, сказал ему: «Я есмь Сый». Потом, посылая его к евреям, повелел ему сказать тоже и им: «Сый послал меня к вам».[49]

22. Все это Платон узнал в Египте и конечно ему понравилось учение о едином Боге, но боясь ареопага, он почитал не безопасным упоминать пред афинянами об имени Моисея, учившего о единстве Божием, и его учение о Боге изложил в тщательно обделанном разговоре «Тимей», в котором он рассуждал о божественных вещах, – не как учение, преподанное Моисеем, но как свое собственное мнение; впрочем, он сказал то же самое, что и Моисей написал о Боге. Он сказал: «надобно по моему мнению, прежде всего, различать, что есть всегда сущее и немеющее начала, и что – бывающее, но никогда не сущее».[50] Спрашиваю,

эллины, тех, кто может разуметь: не одно ли то же в словах Моисея и Платона, с разницею только в члене? Моисей сказал: Сый (δ ών), а Платон: сущее (το οcιρc;v). То и другое выражение, очевидно, приличествует Богу всегда сущему; ибо только Он один всегда есть и не имеет начала. Что же другое противополагается всегда-сущему, о чем Платон сказал: «всегда бывающее, но никогда не сущее?» Рассмотрим это внимательно и увидим, что он ясно и прямо безначального называете вечным, а получивших начало или созданных, – как у него говорится о них: «боги богов, которых Я создатель», -называете происходящими и погибающими. Вот его собственные слова: «надобно по моему мнению прежде всего различать, что есть всегда сущее, но немеющее начала, и что бывающее, но никогда не сущее. Одно понимается разумным мышлением, будучи всегда тожественно, другое же подлежит мнению посредством неразумного ощущения, так как оно происходит и погибает, но никогда не есть». Эти слова тем, которые могут правильно мыслить, дают разуметь погибель и уничтожение созданных богов. Считаю необходимым обратить внимание и на то, что Платон называет Бога не творцом, но создателем богов, ибо по мнению того же Платона есть большая разница между тем и другим: творец не нуждается ни в чем постороннем и собственною силою, и могуществом производит творимое, создатель же или художник получает возможность для своего созидания от вещества и из него образует свое произведение.

28. Но может быть некоторые, не желая отстать от мнения о множестве богов, возразят нам, что сам Художник сказал вот что созданным богам: «поелику вы получили начало, то вы не бессмертны и не совершенно неразрушимы, впрочем, вы не разрушитесь и не подвергнетесь року смерти, получивши в удел мою волю – эту сильнейшую и крепчайшую связь».[51] Здесь Платон, опасаясь чтителей многобожия, влагает в уста Создателя слова, ставящая его в противоречие с самим собою. Ибо по его изложению, тот, который прежде сказал, что все получившее начало подлежит смерти, теперь утверждает противное: Платон не замечает, что таким образом никак нельзя избежать обвинения во лжи; потому что или несправедливо первое утверждение, что все получившее начало смертно, или ложно другое, когда говорится противное сказанному прежде о богах. Если совершенно необходимо, чтобы получившее начало подлежало смерти по его первому положению, то каким образом то, что безусловно невозможно, могло стать возможным? Итак, Платон напрасно думает своему Художнику даровать невозможное, когда объявляет, что те, которые, произошедши из вещества, по тому

самому уже подлежат смерти, будут благодаря ему свободны от смерти и разрушения. Ибо сила вещества, которая по мнению Платона безначальна и совечна Создателю, может противиться Его воле; у того, кто не творил, нет никакой власти над несотворенным, так что не может быть сделано насилие над веществом, которое свободно от всякой внешней необходимости. Поэтому и сам Платон, имея это в виду, написал: «необходимо признать, что Богу ничто не может сделать насилия.[52]

24. Каким же образом Платон изгоняет Гомера из своей республики, когда он вложил в уста Феникса в посольстве к Ахиллесу следующие слова:

Удобопреклонны и самые боги[53]

В них Гомер говорит не о царе и Платоновском создателе богов, но о тех богах, которых эллины допускали великое число, как мы видим и из выражения Платона: «боги богов». Единому же и первому Богу Гомер приписывает власть и могущество над всем посредством золотой цепи, о которой он говорит;[54] и полагает такое различие между Его божеством и прочими богами, что не сомневается именовать их вместе с людьми. Так Одиссей представляется говорящим Ахиллесу о Гекторе:

Буйно свирепствует крепкий на Зевса; в ничто он вменяет.

Смертных и самих богов, обладаемый бешенством страшным.[55]

Здесь, мне кажется, и Гомер, подобно Платону, узнавши в Египте о едином Боге, ясно выражает это, говоря, что надеющийся на сущего Бога не обращает внимания на тех богов, которые не существуют. Так поэт и в другом месте употребляет другое равнозначительное выражение – местоимение, которое значит тоже, что у Платона причастие, и которое указывает на сущего Бога, о коем Платон сказал: «всегда сущее, и немеющее начала». Ибо не просто мне кажется, сказаны Фениксом слова:

Хотя бы сам Бог обещал всемогущий

Старость совлекши вновь возвратить мне цветущую младость.

Местоимение «сам» означает Бога по истине сущего. То же самое выражает известное вам изречение оракула о халдеях и евреях; ибо когда некто спросил, кто были когда-либо благочестивые люди, то он по вашим словам так отвечал:

Одни лишь Халдеи постигли премудрость, а также Евреи.

Что самого безначального Бога царя почитали.[56]

25. Почему же Платон порицает Гомера за то, что он назвал богов удобопреклонными, тогда как Гомер сказал так ради пользы, как это видно из его собственных слов? Ибо тем, которые думают посредством молитвы и жертв получить милость, свойственно оставлять свои грехи и каяться в

них; но если они почитают божество непреклонным, то не думают отстать от своих грехов, считая бесполезным всякое раскаяние. Каким же образом философ Платон осудил поэта Гомера за его слова:

Удобопреклонны и самые боги,

а сам представляет своего Создателя богов так легко изменяющимся, что называешь богов то смертными, то бессмертными? Также говоря не только о богах, но и о веществе, из которого необходимо произошли боги, называемые им созданными, он то признает его безначальным, то сотворенным, не замечая, что сам он явно впадает в ту же ошибку, в которой упрекает Гомера. Платон называет Создателя богов удобопреклонным, между тем как Гомер говорит о нем совсем не то; ибо он представляет Бога говорящим о самом себе.

... невозвратно то слово, непреложно

И не свершиться не может, когда Я главой помаваю![57]

Впрочем, Платон вероятно, нарочно, опасаясь чтителей многобожия, сказал такую нелепость о богах. То, что узнал от Моисея и пророков о едином Боге, когда почитает нужным, он высказывает прикровенно, давая понимать свое мнение для тех, которые желают чтить Бога. Ибо когда ему понравились слова Бога к Моисею: «Я есмь Сый» и он долго размышлял о кратком изречении, выраженном посредством причастия, то понял, что в словах: «Я есмь Сый», Бог желал показать Моисею вечность Свою, так как слово «Сый» означает не одно какое-либо время, но три времени – прошедшее, настоящее и будущее. Так и Платон употребляет слово «Сый» для означения бесконечного времени в своем выражении: «никогда не существующее»: слово «никогда» относится не к прошедшему только, как некоторые думают, но и к будущему времени: так определили и светские писатели. Поэтому и Платон, выразивши прикровенно посредством причастия мысль о вечности Божией, как бы для того, чтобы сделать ее понятною и для неразумеющих, написал следующие слова: «Бог, как говорит древнее предание, составляет начало, конец и средину всего».[58] Здесь Платон ясно называет древним преданием закон Моисеев, опасаясь только упоминать имя Моисея по страху цикуты, ибо знал, что учение этого мужа противно эллинской религии, но ясно намекает на Моисея в своем выражении о древнем предании. А что закон Моисея весьма древний и первый, это достаточно доказали мы выше из Диодора и прочих историков; ибо Диодор говорит, что он был первым из всех законодателем, когда еще не были изобретены эллинские письмена, посредством которых они написали свои истории.

26. Пусть никто не удивляется, что Платон поверил Моисею и так

написал о вечности Божией. Можно найти, что он прикровенно приписывает, после истинного Бога, и пророкам истинное ведение вещей. Так в «Тимее», рассуждая о некоторых началах он написал: «мы предполагаем начало огня и других тел, следуя вероятным заключениям разума, но начала этих вещей знает только Бог и тот из людей, кто угоден Ему». Кого же он разумеет под людьми угодными Богу, как не Моисея и прочих пророков? С их пророчествами он познакомился, от них узнал учение о суде, и потому говорит в первой книге своей о республике: «когда приближается кто к тому времени, когда думает скоро умереть, то нападает на него страх и беспокойство о том, что прежде не всходило на мысль. Известные сказания об аде и мучениях, которым должен там подвергнуться живущий здесь неправедно, прежде вызывавшие смех, начинают тогда беспокоить его душу, не будет ли это на самом деле; и он по немощи ли старческой или по причине приближения своего к той судьбе больше занимается ею. Он терзается сомнением и страхом, размышляет и рассматривает, не сделал ли кому зла. И тот, кто находит, что в жизни своей сделал много зла, подобно детям, часто пробуждается от сна, страшится и живет с мрачной надеждою; а с тем, кто сознает, что не сделал зла, всегда присутствует сладкая надежда, питательница старости, как сказал Пиндар. Прекрасно, Сократ, сказал поэт, что кто провел жизнь свято и праведно,

Тот имеет сердце, исполненное радости и ему сопутствует надежда, питательница старости, надежда, которая по большей части управляет изменчивою мыслью смертных.[59]

Это находится в первой книге Платона о республике.

27. В десятой книге того же сочинения Платон ясно излагает учение о суде после смерти, которое узнал он из пророков; впрочем, он по боязни эллинов не осмеливается сказать, что заимствовал у пророков, но представляет, будто слышал от одного человека, убитого на войне, который должен был быть погребен и был положен на костер, но ожил и рассказал виденное им там. Вот слова Платона: «он говорил, что был в то время, как один спрашивал другого, где Аридей великий. Этот Аридей был тираном в одном городе Панфилии: говорили, что он убил старика, отца своего, и старшего брата и совершил много других злодейств. Опрошенный отвечал: он не пришел и не придет сюда. Видели мы и вот какое страшное зрелище. Когда мы приблизились к отверстию, желая возвратиться оттуда и потерпевши все прочие испытания, – мы внезапно увидели Аридея и других, которые по большей части были также тираны, частью же и простые люди, совершившие великие преступления: все они

надеялись выйти, но отверстие не принимало их и издавало рыканье всякий раз, как кто-либо из закоренело злых пытался выйти, не исполнивши надлежащего наказания. Здесь стояли страшные люди, огненные на вид, которые услышавши рыканье, иных схватывали и уводили, Аридея же и других, связавши ноги, руки и голову, повергали на землю, мучили, тащили вон и бросали на терновые кусты; и рассказывали присутствующим, за что они ввергаются в тартар. Но из многих ужасов всякого рода, постигавших там, ужаснее всего для того, кто всходит, слышать рыканье отверстия и каждый чувствует величайшую отраду, когда не слышит его при своем выходе. Таковы-то мучения и казни ада; но противоложно им состояние добродетельных людей».[60] Здесь Платон, мне кажется, заимствовал у пророков не только учение о суде, но и о воскресении, в которое не верят эллины. Говоря, что душа судится вместе с телом, он ясно показывает, что он поверил учению о воскресении. Ибо каким образом Аридей и прочие могли бы нести такое мучение в аду, если бы оставили на земле тело с головой, руками, ногами и кожей? Не скажут же, что душа имеет голову, руки, ноги и кожу. Но Платон узнал в Египте свидетельства пророков и принял их учение о воскресении тела, и потому учит, что душа подвергается суду вместе с телом.

28. И не Платон только, но и Гомер, также узнавший это в Египте, рассказал подобное о мучениях Тития. Вот как Одиссей говорит Алкиною о видении теней умерших:

Тития также увидел я, сына прославленной Геи,
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу[61]

Очевидно печень принадлежит не душе, а телу. Таким же образом Гомер написал о телесных мучениях Сизифа и Тантала. А что Гомер был в Египте и многое из того, что узнал там, он перенес в свою поэзию, об этом ясно свидетельствует нам славнейший из историков Диодор. Так, по его словам, Гомер в Египте узнал, что Елена принесла в Спарту «непентес, сок сладкий и сердцу забвенье бедствий дающий»,[62] который она получила от Полидамны, жены Фона, и этим лекарством, как говорит Гомер, Елена воспользовалась, чтобы утолить скорбь Менелая, возбужденную присутствием Телемаха. Венеру Гомер назвал золотою на основании того, что видел в Египте: он знал там и храм, посвященный золотой Венере, и поле, названное этим именем. Но для чего мы приводим все это? Для того, чтобы доказать, что Гомер также внес в свои поэмы многое из священных сказаний пророков, и, во-первых, то, что говорится Моисеем о начале

миротворения. Моисей написал так: «в начале сотворил Бог небо и землю, потом солнце, луну и звезды»[63] Гомер, который в Египте с удовольствием прочитал то, что написано Моисеем в книге Бытия, воспроизвел ту же картину творения мира на щите Ахиллеса, сделанном Гефестом. Вот Гомерово описание.

Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо[64]

И описание у Гомера сада Алкиноева весьма походит на изображение рая; он представляет его всегда цветущим и наполненным плодами. Вот стихи Гомера:

..... *росло там*
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных.
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год и в холодную зиму, и в знойное лето
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Гроздь пурпуровый за гроздом сменялись там созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозди
Частью на солнечном месте лежали сушимые зноем,
Частью ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чанах; а другие цвели, иль осыпав
Цвет созревали и соком янтарногустым наливались[65]

Эти слова не представляют ли ясного подражания описанию рая у первого пророка Моисея? Если кто также обратит внимание на столпотворение, посредством которого люди того времени мечтали устроить себе восход на небо, то найдет у того же поэта аллегорическое подражание сему. Говоря об Оте и Эфиалте, Гомер так изображает их:

Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобы приступом небо
Взять....[66]

Подобным образом, кто будет внимательно смотреть, найдет у Гомера и о падении с неба врага человечества, которого священные Писания называют дьяволом и который получил такое имя от первой клеветы, употребленной для обольщения человека. Поэт не упоминает имени

дьявола, но дает ему название от самого низкого его действия; он называет его Атою (Обидою) и говорит о низвержении ее с неба, как бы вспоминая слова о нем пророка Исаии. Так он написал в своей поэме:

……Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимп и звездами венчаное небо
Ввек не взыдет Обида, которая всех ослепляет.
Так произнес он; и махом десницы от звездного неба,
Ринул ее, и упала она на дела человека[67]

29. Платон, говоря о третьем начале после Бога и материи, которое он называет идеей, очевидно воспользовался указанием Моисея и самое имя идеи заимствовал из слов этого пророка; впрочем, его не научили тогда сведущие люди, что нельзя ясно познать ничего из сказанного Моисеем без таинственного созерцания. Моисей написал, что Бог так заповедал ему относительно скинии: «и ты сделаешь Мне образец скинии по подобию той, что покажу тебе на горе»[68] И еще: «ты воздвигнешь скинию по образцу всех принадлежностей ее, и так сделаешь»[69] И еще немного далее: «посмотри, и сделай по образцу, показанному тебе на горе»[70]. Платон прочитал это и не с надлежащим созерцанием усвоил написанные слова: оттого думал, что идея существовала отдельно и прежде чувственных вещей; идею он часто называет также образцом сотворенных вещей, потому что у Моисея так написано о скинии: «по образцу, показанному тебе на горе, так сделаешь это»[71]

30. В подобную же ошибку впал Платон и относительно неба, земли и человека: он думает, что есть и их идеи. Моисей написал: «в начале сотворил Бог небо и землю», и затем присовокупляет: «земля же была невидима и неустроена»;[72] поэтому Платон думал, что словами: «земля была» означается прежде существующая земля, так как Моисей сказал: «земля же была невидима и неустроена»; словами же: «сотворил Бог небо и землю», он думал, означается чувственная земля, созданная Богом по предсуществующей идее.[73] Также Платон ошибся и о небе: сотворенное небо, которое названо (у Моисея) твердью, по его мнению есть небо видимое, а другое есть мыслимое, о котором пророк сказал: «небо небесное (принадлежит) Господу, а землю он дал сынам человеческим».[74] Подобная ошибка и относительно человека, Моисей сперва упоминает имя человека, а потом после всех тварей говорит о создании человека в следующих словах: «и сотворил Бог человека, (взяв) перст от земли».[75] Платон подумал, что прежде упомянутый человек предсуществовал человеку созданному, а созданный потом из земли сотворен по

предсуществовавшей идее. О создании человека из земли, и Гомер знал из древней священной истории, в которой говорится: «ты – земля и возвратишься в землю»;[76] поэтому он бездыханное тело Гектора называет немою землею. Он так говорит об Ахиллесе, влачившем тело мертвого Гектора:

..... Землю немую неистовый муж оскорбляет.[77]

И еще в другом месте он излагает слова Менелая, обращенные к тем, которые не приняли с готовности вызова Гектора на единоборство:

Но погибнете все вы, рассыпьтесь водою и прахом![78]

Здесь в крайнем гневе своем он превращает их в прах земной, их первобытное начало. Вот что Гомер и Платон изложили в своих творениях, научившись в Египте от древних сказаний.

81. Откуда, как не из чтения пророческих книг, Платон заимствовал изображение Зевса, ездящего по небу на быстрой колеснице? Он знал слова пророка о херувимах: «и вышла слава из дома и взошла на херувимов, и херувимы подняли крылья свои и колесницы (поднялись) с ними, и слава Господа Бога Израилева была над херувимами».[79] Этим возбужденный красноречивый Платон с величайшей свободою восклицает: «велик на небе Зевс, летающий на быстрой колеснице».[80] Из какого другого источника узнал он это, как не из Моисея и пророков? С чего он взял повод сказать, что Бог заключается в огненной субстанции? Не из третьей ли книги царств, где написано: «не в ветре Господь, после ветра – трясение, не в трясении Господь, и после трясения огонь, не в огне Господь, и после огня голос тонкого веяния».[81] В эти слова необходимо благочестивым вникнуть с великим размышлением; но Платон, не обратив на них должного внимания, сказал, что Бог заключается в огненной субстанции.

82. Если же кто захочет внимательно рассмотреть то, что касается дара, свыше сходящего от Бога на святых мужей, который священные пророки называют Духом Святым, – то найдет, что Платон и о нем говорит в разговоре с Меноном, только он называет его другим именем. Ибо, опасаясь назвать дар Божий Духом Святым, дабы, следуя учению пророков, не показаться врагом эллинов, он признает, что дар этот сходит свыше от Бога, но рассудил назвать его не Духом Святым, а добродетелью. Так в разговоре с Меноном о воспоминании, сначала он говорит много о добродетели, исследуя, можно ли научиться добродетели или нет, а она приобретается упражнением, или же нельзя ни научиться ей, ни приобрести навыком, но она дается людям от природы, или каким-нибудь другим образом; наконец выражается в следующих словах: «если в этой

беседе нашей мы рассуждали правильно, то должны заключить, что добродетель достается ни от природы, ни от учения, но дается божественным Промыслом, без ведома тех, кому дается». Здесь, я полагаю, Платон, узнавши от пророков о Духе Святом, заменяет его именем добродетели. Ибо, точно также, как святые пророки говорят, что один и тот же Дух разделяется на семь даров духовных, и Платон, признавая добродетель единою, разделяет ее на четыре добродетели. Хотя он здесь и не говорит ни слова о Духе Святом, но очень ясно посредством иносказания излагаете учение пророков о св. Духе. В конце разговора с Меноном он так говорит: «из нашего рассуждения, Менон, можно видеть, что добродетель дается божественным Промыслом тем, кому она достается; яснее же узнаем мы, каким образом людям дается добродетель, если внимательна рассмотрим сначала, что такое добродетель». Видите, как он свыше сходящий дар называет только добродетелью, но вместе с тем почитает достойным исследования, должно ли дар этот называть добродетелью или другим чем-либо, опасаясь открыто назвать его Духом Святым, чтобы не показаться последователем учения пророков.

33. Откуда также Платон узнал, что время произошло вместе с небом, ибо он так пишет: «время сотворено вместе с небом, для того, чтобы вместе явившись, вместе и уничтожиться, если только когда-нибудь будет их уничтожение?» Не из священной ли истории Моисеевой он узнал это? Ибо он узнал, что бытие времени получило начало свое из определенного разделения на дни, месяцы и годы. Итак, первый день, сотворенный вместе с небом, был началом всего времени; ибо так пишет Моисей: «в начал Бог сотворил небо и землю», и к этому прибавляет: «и был день один», посредством части означая все время[82]. Платон же день называет временем, чтобы, упомянувши о дне, он не был обвинен Афинянами, как последователь Моисея. Откуда также он взял мнение о разрушении неба? Не из учения ли священных пророков он заимствует это мнение?

34. Вели же обратить внимание на статуи, откуда первые изобретатели их взяли ту мысль, что боги имеют человеческий образ, то окажется, что и это они узнали из священной истории. так как в истории Моисеевой от лица Бога говорится: «сотворим человека по образу нашему и по подобию»[83]; то думая по этим словам, будто люди подобны богам наружным видом своим, начали делать изображения богов, полагая, что подобное может быть изображено подобным. Но для чего здесь упоминаю я об этом, эллины? Чтобы вы знали, что невозможно научиться истинному богопочтению у тех, которые даже и о том, чем заслужили себе удивление людей, чуждых нашей религии, не могли написать ничего своего, но

иносказательно изложили в своих сочинениях то, что заимствовали из Моисея и других пророков.

35. Итак, пора уже вам, эллины, убедившись на основании внешних исторических свидетельств, что Моисей и прочие пророки жили гораздо ранее всех ваших мнимых мудрецов, оставить старое заблуждение ваших предков; пора вам обратиться к священным сказаниям пророков и научиться у них истинной религии: они не представляют приемов красноречия для убеждения – это свойственно тем, которые хотят затемнить истину, – но в простых безыскусственных словах возвещают то, что сошедший на них святой Дух хотел открыть чрез них людям, желающим познать истинное благочестие. Итак, нисколько не стыдясь, откажитесь от старого заблуждения людского, от пустого шума тщеславия, в котором вы полагаете все ваше удовольствие и последуйте тому, что вам полезно. Ибо вы нисколько не погрешите против ваших предков, если теперь захотите обратиться от их заблуждения к противоположному учению: может быть они сами теперь в аду мучатся поздним раскаянием, и если б им можно было оттуда поведать вам о том, что постигло их по смерти, то узнали бы вы, от каких бедствий они желали бы вас избавить. Но так как в настоящее время вам невозможно ничего узнать ни от них, ни от тех, которые преподают ту лжеименную философию, то вам остается наконец отказаться от заблуждения предков ваших и вникнуть в учение святых пророков, не требуя от них изящества речи (ибо сущность религии нашей не в словах, а в делах) и от них научиться истинам, которые приведут вас к вечной жизни. Ибо те, которые напрасно только унижают имя философии, обличаются в том, что ничего не знают, как и сами принуждены невольно сознаться, – потому что не только спорят и разногласят друг с другом, но и в своих собственных мнениях непостоянны.

36. Если открытие истины, по словам этих философов, составляет цель философии, то заслуживают ли названия философов те, которые не достигли ее? Ибо если и мудрейшей из мудрецов ваших Сократ, о котором по вашим рассказам, оракул ваш так свидетельствует словами:

Сократ из всех человеков мудрейший,

если и он признается, что ничего не знает, то как же бывшие после него приписывают себе знание даже небесного? Сократ сам говорит, что он назван мудрецом за то, что между тем, как другие приписывают себе знание, которого в действительности не имеют, он не задумываясь признает себя ничего незнающим. Вот его слова: «кажется мне, что в одном только том я мудрейший, что я не присваиваю себе знания о том,

чего не знаю.[84] Здесь никто не должен предполагать, что Сократ иронически говорит о своем незнании, – на том основании, что он часто делает так в разговорах. Ибо последние слова его апологии, которую он произнес, отправляясь в темницу, показывают, что он искренно признается в незнании истины. Он сказал: «время уже нам разойтись, мне чтобы умереть, а вам – жить, но никто, кроме одного Бога, не знает, кому предстоит лучшая доля». Произнеся в Ареопаг эти свои последние слова, Сократ пошел в темницу, приписывая одному Богу знание неведомых нам вещей; а бывшие после него не в состоянии будучи узнать ничего земного, приписывали себе знание небесного, как будто они видели это своими глазами. Аристотель, например, как будто лучше Платона видел небесное, помещает Бога не в огненной субстанции, как говорил Платон, но утверждал, что он обитаете в пятой эфировидной стихии. И он, который требовал веры своим словам за красноречие их, когда не мог узнать природы Халкидского Эврида, от огорчения своим бесславием и от стыда лишил себя жизни.[85] Посему никто из людей благоразумных не должен предпочитать своему спасению красноречие тех философов, но, как говорится в древних сказаниях, пусть залепит уши воском и бежит далее от гибельного сладкогласия этих сирен. Ибо вышеупомянутые нами мужи, рассчитывая на изящество своей речи, как на обольстительную приманку, стараются многих отвратить от истинного благочестия, подражая тому, кто дерзнул научить первых человеков многобожию. И я убеждаю вас не следовать им, но внимать пророчествам святых мужей. Если же нерадение или закоренелое суеверие ваших предков препятствуют вам обратиться к этим пророчествам, из которых вы можете почерпнуть познание единого Бога, что составляет первый признак истинной религии, то поверьте хоть Орфею, который сперва учил многобожию, но потом, избрав лучшее и полезнейшее направление для своих песнопений, говорил то, что я привел немного выше, – поверьте другим, тоже писавшим о едином Боге.[86] Ибо божественное примышление о вас так устроило, что все они, хотя невольно, свидетельствовали истину пророческого учения о едином Боге, чтобы из того, что они отвергли учение многобожия, вы могли убедиться в необходимости другого истинного познания.

37. Но еще легче вам будет познать истинную религию отчасти из слов древней Сивиллы, которой прорицания, происшедшие от сильного вдохновения, так сходны с учением пророков. Говорят, что она родилась в Вавилоне и была дочь Бероза, написавшего Халдейскую историю; потом, когда, не знаю как, она пришла в пределы Кампании, начала прорицать в городе, называемом Кумы, который, как известно, находится в шести

милях от Баий, где находятся Кампанские бани. В бытность свою в этом городе мы видели там место, на котором находится огромная базилика, высеченная из цельной скалы, здание великолепное и достойное всякого удивления: здесь-то она возвещала свои прорицания, как рассказывают тамошние жители, слышавшие об этом от своих предков. В средине базилики показывали нам три бассейна, высеченные из того же камня; в воде их она мылась, и одевшись удалялась в внутреннюю часть базилики и там, севши по средине ею на высоком седалище, прорицала. Об этой Сивилле, как о прорицательнице, кроме других писателей, упоминает и Платон в «Федрп». И мне кажется, что, судя по ее прорицаниям, Платон признал пророков за людей боговдохновенных. Ибо он видел, что ее древние предсказания исполнились на деле. Удивляясь им, он так пишет в разговоре с Меноном, восхваляя пророков: «по истине должно назвать людьми боговдохновенными тех, которых мы называем пророками; не ошибемся мы, если скажем, что они божественны и боговдохновенны, так как словами своими делают многое и весьма важное, сами не зная того, что говорить». Здесь он ясно намекает на прорицание Сивиллы. Ибо она не имела способности, как поэты по написании стихов, исправлять и очищать, их особенно относительно правильности меры их, но во время вдохновения она прорицала, когда же вдохновенье прекращалось, она даже забывала сказанное ею. Это и было причиною того, что не все стихи Сивиллы сохранились до нашего времени. Мы сами, бывши в том городе, узнали об этом от проводников, которые показывали нам и места, где она прорицала, и сосуд, сделанный из меди, где по их словам сохраняется ее прах. Между прочим, как слышанное ими от предков, они рассказывали и то, что получавшие прорицания, по своей необразованности, часто искажали правильность размера в ее стихах: этой причине приписывали они нестройность некоторых ее стихов, так как прорицательница, по прекращении вдохновения, не помнила ничего сказанного, писцы же по своему невежеству погрешали относительно правильности меры стихов. На этом то основании Платон, имея в виду прорицания Сивиллы, сказал о прорицателях следующие свои слова: «они прорицаниями своими делают многое и весьма важное, сами не зная того, что говорят»

38. Но так как сущность истинной религии, эллины, состоит не в стихотворных размерах и не в учености, которую вы так высоко цените; то, оставивши в стороне стройность стихов и речи, без всяких споров обратитесь к изречениям Сивиллы и смотрите, сколько благ она доставит вам, ибо ясно и открыто предсказывает пришествие Спасителя нашего Иисуса Христа, который, будучи Слово Божие необъятное по могуществу

своему, воспринял человека, созданного по образу и по подобию Божию и возвратил нас к вере прародителей, коих потомки оставили ее и начали почитать богов несуществующих, обольщенные завистливым демоном. Если же вы сомневаетесь в чем-либо касательно сотворения человека, то поверьте тем, на кого вы еще полагаетесь, поверьте вашему оракулу, который, когда его просили воспеть гимн всемогущему Богу, среди своего гимна так сказал:

Он и первого смертного создал и назвал Адамом.

Этот гимн тщательно хранят очень многие знакомые нам люди, для убеждения тех, которые не хотят верить истине, свидетельствуемой всеми. Итак, если вы, эллины, почитаете ваше спасение выше ложной выдумки о богах несуществующих, то верьте древнейшей Сивилле, которой книги хранятся по всему миру. В них она, движимая могущественным вдохновением, ясно учит, что те, которых вы называли богами, вовсе не существуют, и очень ясно и открыто предсказываете будущее пришествие Спасителя нашего Иисуса Христа и все его деяния. Познание этого будет для вас необходимым приготовлением к пророчествам святых мужей. Если же кто думает, что он принял учение о Боге от древнейших и знаменитых философов, тот пусть послушает Аммона и Гермеса: Аммон называет в своих сочинениях Бога всесокровенным, Гермес же ясно говорит о Нем так: «Бога постигнуть весьма трудно, а если кто и постигнет Его, то невозможно выразить своего понятия». Итак, очевидно, что ни откуда нельзя получить познания о Боге и истинной религии, кроме пророков, которые учили нас по божественному вдохновению.

Примечания

[1] - На это указывает частое употребление в увещании слова έλέγχειν.

[2] - Подлинность увещания опровергали Арендт (Theol. Quartalschr. Tubing. 1834.) и Мелер (Patrol. 1) и против их возражений защищали ее Отто (de lust. scr. et doctrina) и Земиш (lust. d. Martyr), впрочем последний в богосл. словаре Герцога относить увещание к сомнительным сочинениям Иустина.

[3] - Илиад. XIV. 302. Мы приводим эти и следующие стихи Гомеровой Илиады по переводу Гнедича.

[4] - Илиад. XIX. 224.

[5] - Илиад. XIV . 433 ид.

[6] - Ил. XXII. 16S и д.

[7] - Ил. I. 399 и д.

[8] - Бриарей – один из трех сторуких исполинов с 50 головами, помощью которых олимпийские боги воспользовались для одоления титанов: они представители могущественной силы воды

[9] - Илиад. XIV. 315 –327.

[10] - Илиад. V. 382–3S7 и 392–400.

[11] - Илиад. XX . 66–72.

[12] - Снес. Татиана (orat. adv. gent. c. 21), Афинагора (Supplie, pro Christ, c. 22).

[13] - Писатель увещания заимствовал почти буквально следующее изложение мнений философов о начале вещей из сочинения лже-Плутарха de placitis philosoph. I c. 3. Дальнейшее же с б гл. много разнится от Плутарха. Отто.

[14] - Омиомерии (όμοιομερεία), т.е. первоначальные элементы однокачественные, в которых самые части однородны друг другу.

[15] - Сн. гл. – Иустина. ап. 1. гл. 44. ап. 2. гл. 10. 13. Татиана (or. c. Gent c. 25), Феофила (ad. Autol. II. c. 8. III. c. 3).

[16] - Сн. гл. 31 и 36. Писатель увещания приписывает Платону мнение об огненной сущности Божества, вероятно введенный заблуждение тем, что Платон в образе солнца находил символическое представление благотворной природы Божества (de Republ. XI).

[17] - Писатель довольно свободно приводит место, находящееся в сочинении Аристотеля о мире (de mundo c. 2).

[18] - De Republ. X.

[19] - Илиад. XV. 192. См. Аристот. de mundo c. 6.

[20] - Ил. XIV. 246.

[21] - Эти слова о Платоне и Аристотеле почти буквально находятся у Кирилла Александрийского (adv. Julian. II), который в этом сочинении своем часто пользуется словами „увещания“.

[22] - Плат. Phaedr.

[23] - Энтелехия, т.е. существо законченное, представляющее единство материи, как возможности, и формы.

[24] - Подобное см. у Эрмия (irrsio gentil, philos, c. 1).

[25] - Диодора Сицил. Biblioth. hist. 1. c. 4.

[26] - Это место, начиная выше со слов: «во времена Огита и Инаха...» имел пред своими глазами Юлий Африканский. См. у Евсевия praepar, evangel. X. c. 10. – Отто.

[27] - Диодор. в вышеприв. кн. с. 94. Сн. Кирил. алекс. adv. Jul. 1.

[28] - В тексте «увещания» это место из Диодора написано неисправно по ошибке ли автора или писца, и потому оно здесь переведено сообразно со смыслом подлинника. Также ошибочно оно приводится и у Кирилла алекс.; давая тот смысл, будто Моисей назван Богом?».

[29] - Сн. Юлия Африк. у Евсевия praep. evang. X.

[30] - История перевода 70-ги излагается св. Иустяном, только короче, в 1 ап. гл. 31.

[31] - Эти стихи, с небольшими изменениями, приводятся в сочинении о единовластительстве гл. 2, у Климента алекс. (Protrept. c. 7. § 74; сн. Str. V. c. 12). Евсевия (Praepar. evang. XIII. c. 12), Кирилла алекс. (adv. Jul. 1) и друг. О лжеорфических стихотворениях см. исследование Лобека: Aglaophamus sive de theologiae mysticae graecorum causis (Regiom. 1829), а также издание Гермона: Orphica.

[32] - Этот отрывок находится также у Кирилла (adv. Jul 1).

[33] - Эти стихи находятся у Феофила (ad. Autol. II. c. 36), во вступлении к Sibyll. oracc. v. 7–9 (Galland. Bibi. vett. pp. t. 1) и у Лактанция Divin. Just. 1. c. 6).

[34] - Oracc. Sibyll. III. v. 659–661.

[35] - Oracc. Sib. IV. v. 24–30. Последние 4 стиха приводятся и у Климента алекс. (Protr. c. 4. § 62).

[36] - Сначала, т.е. или в начале Орфеева стихотворения, или вообще –

первоначально, до знакомства с истинами откровения.

[37] - Автор намекает на погрешности первого стиха Илиады, замеченные и Евстафием толкователем. Пик.

[38] - Элиад. IX. 445 и след.

[39] - Элиад. IX. 445 и след.

[40] - Илиад. II. 204.

[41] - Эти лже Софокловы стихи приводятся в сочинении «о единовластительстве» (гл. 2) у Климента Алекс. (Protr. c. § 74; Strom. У. c. 14); у Евсевия (praep. Evang. XIII. c. 13); Кирилла алекс, (adv. jul. 1): сн. Афин. suppl, p. chr. c. 5.

[42] - Тоже место приводят Климента александр. (protr. c. 6. § 72). Кирилл алекс. (adv. Iui. 1), сн. Минуция Фел. (Octav. c. 19); Лактанция (Divin. institt. 1. c. 5).

[43] - Так обвиняли Сократа враги его: Ксеноф. Mein. Suer. 1 . c. 1. И Плагон. Apol-Socr.

[44] - Плат. в Тимее.

[45] - Исход. III, 14.

[46] - Сн. Иуст, 2 апол. гл. 6.

[47] - Исаип XLIV, 6.

[48] - Сн. Быт. III, 5.

[49] - Исход. III, 14.

[50] - Плат. Tim. Такое же сходство в словах Платона со словами у Моисея находят Евсевий (praepar. evang. XI, c. 9) и Кирилл алекеандр. (adr. Iul. 1).

[51] - Плат. Tim. Это место из увещания приводит Фотий в Biblioth. стр. 232.

[52] - Платон de Legg. V.

[53] - Илиад. IX , 497.

[54] - Илиад. VIII, 18 и дал.

[55] - Илиад. IX. 338.

[56] - См. выше гл. II Здесь этот стих приводится несколько иначе вместо αγνως стоить αυτόν.

[57] - Илиад. 1. 526 и след.

[58] - Плат, de legib. IV.

[59] - Плат, de Republ. 1.

[60] - Плаг. de Republ. X. Здесь Сократ передает рассказ некоего Эра,

который был убит на сражении и когда был положен на костер, ожил.

[61] - Одисс. XI. 575–577.

[62] - Одисс. VI. 221.

[63] - Быт. 1, 1. 16.

[64] - Илиад. XVIII. 483–485.

[65] - Одисс. VII. 114– 126

[66] - Одисс. XI. 313–316.

[67] - Илиад. XIX. 126 – 131. – Сн. Исаии XIV, 12. Писатель увещания предполагает, что Гомер позднее Исаии.

[68] - Исход. XXV, 9.

[69] - Исход. XXVI, 30. Этот стих ниже повторяется несколько иначе.

[70] - Исход. XXV, 40.

[71] - См. примечание 66. – Мысль, что скиния есть образ мира, и идеи той скинии были идеями мира, встречается ранее Иустина и последующих отцов, – у Филона (de Yita Mosis III. c. 3; Quaest, in Exod. II. c. 82) у Иосифа Флавия (antiqu. iud. III. c. 7).

[72] - Быт. 1, 1. 2.

[73] - Еще Филон, слова коего повторяются Евсевием (prep. Evang XI. c. 23), под землею невидимою разумел идеи.

[74] - Псал. 113. 16.

[75] - См. Быт. 1, 26; II, 7.

[76] - Быт. III, 19.

[77] - Илиад. XXIV, 54.

[78] - Илиад. VII, 99.

[79] - Иезекиил. X . 18. 19

[80] - Плат. Phaedr.

[81] - 3 дар. XIX, 11. 12.

[82] - Быт. 1, 1. 5.

[83] - Быт. 1. 26.

[84] - Плат. apol. Socr.

[85] - О таком образе смерти Аристотеля не говорит Диоген Лаертий; посему думают, что это – выдумка его завистников. Кроме Тустина, она повторяется у Григория Назианзина в слове против Юлиана.

[86] - Т.е. Сивилле (гл. 16), Гомеру (гл. 17). Софоклу (88). Пифагору (19). Платону (20 и д.).

Содержание

Увещание к эллинам мученик Иустин Философ 1
Об увещании к эллинам 2
Увещание к эллинам 5
Примечания 33